

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

СЕЛЬКУПСКИЕ СУФФИКСЫ ЗАЛОГОВОЙ СЕМАНТИКИ

В селькупском языке залоговая характеристика глагольной основы может быть выражена морфологически, посредством суффиксов транзитивности, интранзитивности, рефлексивности, пассивности, каузативности. В статье описываются такие форманты в диалектах (диалектных областях) северного и южного ареала (Janurik 1985 : 283; Хелимский 1985 : 54). Использование селькупских материалов различной временной периодизации, сведений об образовании соответствующих глаголов в других языках самодийской группы, а также работ по уралистике обобщающего характера позволяет обращаться к этимологии рассматриваемых суффиксов в селькупском языке.

Селькупские переходные глаголы оформляют:

1. сев. *-tĭ-* ~ южн. *-tĭ-* (*-tə-*, *-tu-*)

Указанное соответствие прослеживается прежде всего в дериватах от односложных основ на гласный. Присоединение суффикса к двусложным вокалическим основам может быть связано с утратой их ауслаута. При образовании настоящего времени индикатива от односложных основ консонантный элемент форманта способен геминироваться как согласный сильной ступени (ср. Купер 1987 : 68—69). В производных глаголах не отмечается изменения акцентуационной модели производящей основы: байш. *pu-tə-ŋo* (В 188), тым., нар. *pū-du-gu*, *pū-də-gu*, кет. *pū-dĭ-gu* 'перевезти через реку', ср. таз. *pūtaltuŋo* 'заставить переправиться' (ОчСЯ 214) (южн. *pūgu*, *pugu*, байш. *puŋo* 'переплыть, переправиться (через реку)' (В 188), ср. N *pūdau*, MO *puđau*, K *puuttau*, NP *puuttam*, Tschl. *puutam*, OO *puudam*, В Tas Kar. *puutam* 'ich führte über (einen Fluß)' (CL 75); прасельк. **βešə-* (< сам. J 18 **ānsä-* (? **āānsä-*) 'aufstehen') + *-tə-*: об. *vat't'uŋu* (Кузьмина 1974 : 22), об. *ватчи-* [*wattə-*] // TS *wəssu-*, кет. *βettigu*, тым., нар. *βəzəgu* 'поднять' (Hel. 65) (таз. *wəšyŋo* (ОчСЯ 211), об. *вазы-*, кет. *βešigu*, тым., нар. *βəž(i)gu*, *βəšku* 'встать, подняться' (Hel. 63)), ср. N *wəčar*, *wäčar*, MO *wəťjau*, NP *wəťcam*, *wəťcam*, *wəťťjam*, K *wəťťjau*, *wəťťjau*, В *miečam*, Tas Kar. *wueťjam* 'ich hob auf' (CL 26, см. также CL 14). Палатализация *t* в последнем примере обусловлена качеством предшествующего ему согласного (Купер, Морев 1985 : 58) и служит базой для чередования *t* ~ *č* (*č* ~ *č̣*), ср. по отыменному глаголообразованию: кет. *soldigu* (< *soj-* + *-tə-*) 'надеть на шею', об. *soldaw* 'я надела на шею' (Кузьмина 1974 : 255) ~ об. *solžit* 'надела бусы' (Дульзон 1966 : 143).

2. сев. *-tĭ-* ~ южн. *-t(i)-* (*-t(ə)-*, *-tu-*; *-čə-)

У части глагольных основ регулярность соответствия сев. *t* ~ южн. *t*

нарушают примеры из фактически исчезнувшего крайне южного диалекта (по CL : Tsch. Tschl. OO — Хелимский 1988 : 24). Они как будто указывают на развитие $t > \check{c}$ в этом ареале (ср. J 22, 25—26), которое могло быть вызвано, например, сильной артикуляцией спаранта (Деннинг 1981 : 163): об. *но:-дѣ-гу* (Кузьмина 1974 : 214), об. *нѣ-ты-* // TS *но-ty-*, тым., кет. *но-du-gu*, *нѣ-t-ku* 'гнать, догонять, преследовать (зверя)' (Hel. 130) (южн. *нѣгу*, *нѣгу* то же), ср. N *njódap*, K *njoottau*, *njöttau*, NP *njottam*, Tsch. Tschl. *njuočam*, Tas *njódam* 'погнал, следил' (CL 67—68); об. *г'а:-дѣ-гу* (Кузьмина 1974 : 205), об. *ч'а-ды-* [*tátə-*] // TS *сѣ-ty-*, тым. *ча-du-gu*, нар. *ча-дэ-гу*, кет. *т'а-д'и-гу* 'разжечь' (Hel. 204) (таз. *сѣ-пу-го* (ОчСЯ 227), байш. *ч'а-рѣ-го*, кет. *т'а-б'и-гу* 'зажечь, гореть, жечь' (B 217)), ср. N *čádap*, *čaadap*, MO *tjaadau*, K *tjättau*, *tjaattau*, NP *tjaattam*, Tsch. *tjoáčam*, OO *tjaáčam*, B *tjaadam*, Tas Kar. *tjaatam* 'ich zündete an' (CL 94—95, см. также CL 34). Соответствия селькупским *t*-овым суффиксам (1, 2) следует искать среди ненЛ *-ta-* (Вербов 1973 : 88; Sammallahti 1974 : 99); ненТ *-da-* (*х'ав'а(сь)* 'упасть' — *х'ав-да(сь)* 'свалить, повалить' — Терешенко 1965 : 712); *-dā-* (Hajdú 1968 : 65); нган. *-зу-* (*хонсы-ди* 'выйти' — *хонсэ-зу-са* 'вывести' (ЯН СССР (нг.) 433); *сыэ-д'я* 'утонуть' — *сыэ-зу-са* 'утопить' (Терешенко 1979 : 223)) и отчасти эн. *-та-* (*нэс'ь* 'быть открытым' — *нэ-та-с'ь* 'открыть'; *д'юс'ь* 'растаять' — *д'ю-та-с'ь* 'растопить' (Сорокина 1976 : 177)). Перечисленные форманты могут восходить к *t saus. deverb. прасамодийского (ср. в этой связи реконструкцию самодийских суффиксальных основ — J 48, 111) или прауральского (PUA 294—301).

3. сев. *-tj-* (*-čə-) ~ южн. *-čj-* (-čə-, -ču-; -tə-, -tu-) (*-cə-; *-tə-) Суффикс занят в образовании переходных глаголов от двусложных вокалических основ определенного типа (возвратные/непереходные на *-r-* + *-V-* — Кузнецова 1987а : 195—196) и от основ на согласный (производные одно- и неодносложные). В первом случае деривация регулярно сопровождается утратой конечного гласного производящей основы. Присоединение форманта не связано с изменением акцентуационной модели: кетН *л'ер-ču-gu*, об. *л'ар-чи-* [*larčə-*] (Hel. 109) 'испугать' (кет. *lerrugu* 'испугаться', об. *ларым-* 'заботиться' (Hel. 109)), ср. K *lertcau* 'ich erschreckte' (CL 55); нар. *ūr-ču-gu*, *ūr-tu-gu*, тым. *ōr-ču-gu*, *ōr-tu-gu* (Деннинг 1981), кет. *ūr-ču-gu*, TS *ūr-ty-* 'потерять' (Hel. 224) (кет. *ūrugu*, об. *јоры-* // TS *ју-ry-* (Hel. 224) 'потерять(ся), пропасть, скрыться'); ср. N *yrčap*, *örčap*, MO *yrčau*, K *yr(t)cau*, *yrčau*, Tsch. Tschl. OO *yrttam* 'ich verlor' (CL 24); тым. *pöčigu*, кет. *pöčč'igu* (< *pöt-* + *-čə-* (-ču-)), об. *п'етчи-* [*pöččə-*] // TS *pöt-ty-* 'нагреть' (южн. *pötku* 'согреться') (Hel. 151), ср. N *pöčap*, *pöčap*, K *pöcau*, *pööcau*, NP *pöötčam*, *pöťčam*, Tschl. *pyöčam*, OO *pyöttam*, B Tas *pöčam*, Kar. *pööttam* 'ich erwärmte' (CL 80); нар., тым. *oram-ču-gu*, кет. *oram-ču-ku*, (>) *orib-čj-gu*, об. *орын-чи-* [*orəñčə-* ~ *orəñčə-*] // TS *orym-ty-* 'вырастить' (Hel. 143) (южн. *orimgu*, *oramgu*, таз. *orymqo* 'вырасти' (Hel. 143)), ср. N *ormdsap*, K *ormdsau*, B *oormdsap*, Tas *ooramdsam*, NP *orámdsam*, Tsch. OO *ormdam*, Kar. *ooromdengam* 'ich zog auf' (CL 15) (в последнем примере возможно иное морфологическое членение, см. далее, а также CL 64).

Сопоставление современных данных с материалами М. А. Кастрена — Т. Лехтисало указывает на относительно недавний переход (*č) > *t* в байшеском и тазовском диалектах. Сейчас этот процесс отмечается в нарымском и тымском диалектах (ср. Деннинг 1981 : 160—166),

а во времена М. А. Кастрена он, очевидно, имел место в карасинском говоре тазовского (Каг.). Таким образом, консонантный элемент рассматриваемого суффикса, по-видимому, выступал в определенный период как аффриката во всех диалектах за исключением крайнеюжного (Tsch. Tschl. OO). В отношении последнего возможны альтернативные предположения. С одной стороны, суффикс мог сохраняться здесь в исходной форме, в целом не подвергаясь изменениям, которые затронули его согласный в других диалектах: $(*)t (\sim tt) > (*)\check{c} (c) (> t)$, и не утрачивая тем самым связи с селькупскими t -овыми суффиксами (1, $2 <$ прасам. $*t$; ср. $*p\check{a}r\check{a}$ - 'brennen' (intr.) (J 114); эн. *пораць* 'гореть' — *порзаць* 'сжечь' (Сорокина 1976 : 176)). С другой стороны, допустимо распространить отмеченный в остальных диалектах переход $(*)\check{c} > t$ и на Tsch. Tschl. OO, где он во времена Кастрена мог быть уже в основном завершен. Тем самым все варианты суффикса свелись бы к общесельк. $(*)-\check{c}\check{a}- (-c\check{a}-) \sim -\check{c}\check{c}\check{a}- (-cc\check{a}-)$, формирование которого могло происходить как на базе селькупского t -ового форманта (сам. $*t >$ сельк. $t (\sim tt) > tt > t\check{s} \sim ts$), так и относиться к более древнему периоду. В частности, Т. Лехтисало не исключает возможность реконструкции самодийского или даже уральского $*-t\check{s}a-$ caus. deverb., возводя к нему суффиксальные варианты в рассмотренных образованиях (3), а также финальные компоненты сельк. $(*)-m\check{c}\check{a}-$, $(*)-p\check{c}\check{a}-$. В их северносамодийских аналогах при этом предполагается развитие $*t\check{s} > t$ (PUA 234—235; иначе о $(*)-l\check{c}\check{a}-$: PUA 235—236; ср. также сам. $*k\check{a}m\check{a}$ - 'fallen', (?>) $*k\check{a}m\check{c}\check{a}$ - 'giessen' (J 52); $*m\check{a}l\check{a}$ - 'endigen' (J 85) $>$ сельк. MO *malčau*, *maalčau*, K *mältcau*, *maaltcau* 'ich beendigte' (CL 57), нен. *maalta*- 'make an end, a point' (Collinder 1960 : 274).

4. сев. $-r\check{i}- \sim$ южн. $-r(\check{i})-$ ($-r(\check{a})-$, $-ru-$)

Суффикс присоединяется прежде всего к двусложным основам с вокалическим ауслаутом. В производном глаголе не отмечается изменения акцентуационной модели производящей основы: тым., нар. *kugĭ-r-gu*, кет. *kuĭĭ-ri-gu*, об. *кугу-р-* [*kukər(ə)-*] // TS *kuky-ry* 'качать' (Hel. 99) (кет. *kuĭĭgu* 'качать(ся)'), ср. N *kugerap*, MO *kókarau*, K *kukkerau*, NP *kukkarat*, Tsch. *kugoram*, B *kukeram*, Tas *kukuram*, Каг. *kukurengam* 'ich schaukle' (CL 46); кет. *laĭĭ-ri-gu* 'двигать', об. *лаг-ре-т!* 'шевели!' (Кузьмина 1974 : 260), об. *лагы-р-* // TS *laqy-r-* 'шатать' (кет. *laĭĭgu* 'шевелиться, двигаться, работать') (Hel. 108), ср. N *lagarap*, *lagaráp*, NP *laĭĭkaram*, K *laĭĭkarau*, *lagarau*, Tsch. *lagaram*, OO *lagaram*, Tas *laĭĭkaram*, Каг. *laĭĭkarangam* 'ich bewege, schüttele' (CL 52).

Известно сочетание форманта и с односложными основами на гласный: об. *г'у-р-гу* 'поднять ношу на себя' (Кузьмина 1974 : 225) (кет. *tĭgu* 'взлететь', ср. таз. *tĭty-* 'вытащить' (ОчСЯ 213), ен. *titto·sit* 'вытащил'), кет., нар., тым. *tā-r-gu*, *ta-r-gu* 'обменять' (ненТ *та* 'мена, обмен' — Терещенко 1965 : 609), ср. N *taarap*, *tárap*, *taarnap*, *tárnap*, MO *taarnau*, K *taarnau*, NP Tsch. OO *taarnam* 'ich wechselte (z. B. das Hemd)' (CL 109). Часть переходных дериватов на $-r(\check{i})-$ может быть соотнесена как с глагольными, так и с именными основами: об. *чагы-р-гу* (Кузьмина 1974 : 212), тым., нар. *čagə-r-gu*, кет. *čeki-ri-gu* 'высушить', Tas *čekeram*, *tékeram* 'ich machte trocken' (CL 103) (кет. *čekigu* 'высохнуть', *čeki ezan* 'высох'), таз. *tē-ry-го* 'квасить' (ОчСЯ 347), кет. *tē-ri-gu*, об. *tā:-р-гу* 'сгноить' (*tā:ренджау* 'сгною') (Кузьмина 1974 : 239, 203) (кет. *tēgu* 'сгнить', *tē* 'гной'); тым., нар., кет. *nādi-r(i)-gu* 'любить, хотеть' (кет. *nāt(i)ku* то же, рус. *надо*) (о соотнесении таких образова-

ний либо только с именными, либо только с глагольными основами: PUA 294; ОчСЯ 347).

Рассматриваемому селькупскому суффиксу соответствуют ненТ *-rā-*, *-řē-* (PUA 300—301); *-pa-*, *-pe-* (ЯН СССР (нен.) 390), *-rā-*, *-re-* (Hajdú 1968 : 66); эн. *-đa-*, *-ra-*; *-đi-*, *-re-* (PUA 300—301), (?) *-po-* (*пиць* 'свариться' — *пи-ро-ць* 'сварить' (Сорокина 1976 : 176)); нган. *-ra-*, *-ri-*, *-re-* (PUA 300—301); *-py-*, *-pu-* (Терещенко 1979 : 227); кам. *-r-* (< *rā) (PUA 301). Источником перечисленных формантов мог быть сам. *r, восходящий к уральскому *t-овому суффиксу, если допускать развитие *t (> *δ) > *r* уже в прасамодийском (PUA 300—301; Sammallahti 1979 : 64; ср. реконструкцию самодийских суффиксальных основ: J 111, 124—125, 143, 169).

5. сев. *-pti-* ~ южн. *-pti-* (*-ptə-*, *-ptu-*)

Суффикс присоединяется к двусложным вокалическим основам. Присоединение может сопровождаться перегласовкой конечного гласного производящей основы в *ä* (*ε*, *e*, реже — в *a*, *o*, *u*) и переносом ударения на этот гласный с одновременным удвоением предшествующего ему одиночного согласного. Ряд переходных дериватов на *-pti-* (*-ptə-*, *-ptu-*) соотносим как с глагольными, так и с именными основами: об. *илэ-бты-* // TS *ilä-ptu-* (Hel. 70), кет. *illä-pti-gu*, *ilī-pti-gu* 'оживить' (кет. *iligu* 'жить', *ilī* 'жизнь'); таз. *tenä-pti-*, *tena-pti* 'вспомнить' (E 261) (< сам. **tenä-* 'sich erinnern' (J 157)), ср. N *täneptak*, Tsch. *täneptang* 'ich erinnerte mich', Tsch. OO *täneptembang* 'ich denke' (CL 113); кет. *ṭta-ptu-ku*, *adu-pti-gu* 'запрягать' (таз. *ettiqo*, *etiqo* (E 37), баиш. *ätbqo* '(с)прягать(ся)' (B 177), ср. NP *étáptam*, *étaptam*, B *eteptam*, Tas *éteptam*, Кар. *éteptengam* 'ich versteckte' (CL 18); кет. *sakko-ptu-ku* 'накапать' (*sakiku* 'течь, капать'), *ḡonde-pti-ku* 'усыпить' (*ḡondugu* 'спать'), *čanṡa-ptu-ku* 'выпустить' (*čanṡugu* 'выходить'). В южных диалектах суффикс *-pti-* (*-ptu-*, *-ptə*) может чередоваться с тождественными по значению *-kti-* (*-ktu-*, *-ktə*) и *-tti-* (*-ttu-*, *-ttə*): кет. *siṭte-ptiku*, *siṭte-ptuku* ~ тым., нар. *šede'ttigu*, *šede-ttugu*, *šeda-ktagu*, об. *сизякты-* [*siṭta-ktə*] 'обмануть' (Hel. 171), кет. *ḡande-ptigu* ~ тым., нар. *ḡande-ttigu* 'обморозить' и т. п.

Общностью происхождения с селькупским транзитивизирующим *-pti-* (*-ptu-*, *-ptə*) связаны ненЛ *-pta-*, *-pte-* (Collinder 1960 : 280; Вербов 1973 : 88); ненТ *-бта-*, *-бте-* (см., например, Терещенко 1965 : 420, 165); *-bta-*, *-bte-* (Hajdú 1968 : 66); эн. *-ta-* (< *-pta-*) (ЯН СССР (эн.) 453; Хелимский 1982 : 108—109); *-ti-*, *-te-* (Collinder 1960 : 280); нган. *-bde-* (Collinder 1960 : 280); *-nrṡ-*, *-nṡy-*, *-nṡy-* (Терещенко 1979 : 223), *-ptu-* (Хелимский 1982 : 109). Наличие соответствий в языках самодийской группы позволило Т. Лехтисало (PUA 325) и Б. Коллиндеру (Collinder 1960 : 280) считать *pt самодийским (ср. реконструкцию самодийских производных основ: J 80, 83, 143). Между тем суффикс может быть сопоставлен с манс. *-pt-*, хант. *-pt-*, *-wt-*, венг. *-t-* и отнесен к уральским деривационным формантам (Хелимский 1982 : 109). Допускается наличие в прауральском и каузативного *tt, продолжения которого в ненецком, энецком, камасинском сливаются с рефлексам **t*, *kt, *pt (PUA 322—325; Collinder 1960 : 280). Однако диалекты селькупского языка как будто сохраняют различия между указанными древними суффиксами.

6. сев. *-pči-* (**-pčə-*) ~ южн. *-pči-* (*-pču-*)

Наряду с транзитивизирующим *-pti-* (*-ptu-*, *-ptə*) в кетском диалекте

(прежде всего В, С) представлен суффикс *-pĭ-* (*-pĕu-*), выполняющий те же функции. Употребление последнего ограничено деривацией от двухсложных переходных/возвратных основ на *-r-* + *-V-* (Кузнецова 1987а: 195—196). В остальных южных диалектах транзитивные корреляты таких глаголов образуются присоединением *-čă-* (*-čū-*) к усеченной основе (см. 3). Если исходить из материалов М. А. Кастрена — Т. Лехтисало, *(*)-pĕă-* использовался ранее не только в кетВ (=NP), но и на севере. Однако уже во времена Кастрена он, очевидно, чередовался там с *-pĭă-*, а в карасинском говоре тазовского диалекта слился с последним. Позднее развитие **pĕ > pt* завершилось и в остальных диалектах и говорах северной группы: кетВ *lera-pĕĭ-ku-* 'испугать' (*lerrugu* 'испугаться'), *üru-pĕu-ku* 'потерять' (*ürrugu* 'потеряться'), ср. NP *ÿrĕp-čam*, *yurpčam*, Jel. В Tas *yurpčam* (*-čam*), Кар. *yurpčam* 'ich verlor' (CL 24); кетВ, С *poru-pĕu-ku* 'зажечь' (*porrugu* 'загореться'), ср. NP *porupčam*, Jel. В Tas *purupčam*, Кар. *purupčam* 'ich zündete an' (CL 74); кетВ, С *ĭra-pĕu-ku* 'напоить' (*ĭrigu* 'напиться'), ср. NP *ĭrapčam*, *ĭrăpčam* 'ich tränkte' (CL 20); кетВ *tĭrre-pĕu-ku* 'наполнить', Tas *tiirep-tam*, Кар. *tiireptengam* 'ich füllte an' (NP *tiiram* id., *tiir* 'voll') (CL 115).

Суффикс *(*)-pĕă-* мог сформироваться по древней модели (ср. сам. (ур.) **pt < *p + *t* — Collinder 1960 : 280; Györke 1935 : 20) уже на селькупской почве из *-p-* + *-(č)čă-* (*< (?)-(t)ă-*). Схожую структуру имеет и южн. *-mčă-* ~ сев. (? >) *-mtĭ-* *< -m-* + *-(č)čă-* (*< (?)-(t)ă-*), получивший распространение в отыменной глагольной деривации. Он образует глаголы, для которых в качестве производящей выступает глагольная/именная или именная основа: таз. *šüñny-mty-ŋo* 'окончить, опустошить' (*šüñcyŋo* 'кончиться', *šüñcy* 'нутро') (ОчСЯ 211, 347), тым. *šüñne-mšū-gu* 'опростать' (*šüñdi* ~ *šüñzi* 'нутро'), В *syn-jemdsam* 'ich verminderte' (*syndj* 'das Innere') (CL 92—93); кет. *kaβi-mčū-ku* 'укорачивать' (*kaβikka* 'короткий'), ср. NP *kaawámšam* 'ich verkürze' (N *kauka*, *kaukà* 'kurz') (CL 32); N *kê-rmšap*, *kê-rndsap* 'ich verwundete' (*kêr*, *kĕr*, *ker* 'Wunde, Loch') (CL 49). В отличие от тазовского диалекта (ОчСЯ 211) для южного ареала выделение сложного транзитивизирующего *-mčă-* не обязательно: глаголы на *(*)-mčă-* могут рассматриваться здесь и как переходные дериваты от транслативов на *-m-* (Кузнецова 1990а : 51). Такая словообразовательная модель сопоставима с действующей на синхронном срезе в нганасанском (*нэтым-сы* 'стать видным' — *нэтым-ты-сы* 'показать, сделать видным', *четэм-сы* 'стать вчетвером' — *четэм-ты-сы* 'учетверить' (Терешенко 1979 : 223)), и, очевидно, имеет самодийское происхождение (J 81—82).

7. сев., южн. *-l-*

Суффикс крайне редок, однако транзитивные дериваты или связанные переходные основы на *-l-* встречаются и в северном и в южном ареале. Присоединение форманта обычно сопровождается перегласовкой конечного гласного производящей основы в *a*, *o* (? *ä*) с возможным переносом ударения на этот гласный: баиш. *omta-l-ŋo* (В 184), кет. *omda-l-gu*, *obda-l-gu* 'посадить' (баиш. *omtăŋo* (В 184), кет. *omdigu*, *obdigu* 'сесть'); кет. *niŋgo-l-gu* 'поставить, замесить (тесто)' (*niŋgigu* 'стоять'), об. *мэзол-* 'умыть, омыть' (Hel. 119) (баиш. *musăŋo* 'вымыться' (В 211)), ср. также таз. *celca-l-ŋo* 'утоптать, стоптать' (*celcytŋo* 'топтать что-либо') (ОчСЯ 212); *paca-l-ŋo* 'срубить, отрубить' (*pacytŋo* 'рубить'); *qata-l-ŋo* 'почесать, оцарапать' (*qatytŋo* 'чесать, царапать'); *ită-l-ŋo* 'повесить' (Пр. 56) (*itigu* 'висеть, повесить'), *sepă-l-ŋo* 'сломать' (пер.) (*sep-*

peiqo 'сломаться'). Нередко переходные глаголы на *-l-* и сев. *-lti-* ~ южн. *-lčə-* от одной и той же основы используются параллельно: банш. *omtalqo* ~ *omtalčqo* (В 184); кет. *omdalgu* ~ *omdalčigu*, *obdalgu* ~ *obdalčigu* 'посадить'; кет. *niŋolgu* ~ *niŋolčigu* 'поставить'; об. *мёзол* ~ *мёзолчи-* (*мюзолчи-*) 'умыть, помыть' (Hel. 119) и т. п.

Суффикс имеет соответствие среди селькупских формантов отыменной глагольной деривации (Кузнецова 1990а : 45). В других самодийских языках ему соответствуют ненТ *-lā-*, *-lē-*, *-l-* (PUA 164—165); *-lā-*, *-le-* (Hajdú 1968 : 66); *-le-*, *-la-* (ЯН СССР (нен.) 390; Перфильева 1973 : 194; Хелимский 1982 : 109); ненЛ *-ra-* (< **-la-*), *-dđī-*, *-đīè-* (< **-le-*) (PUA 164—165); кам. *-l-* (PUA 165; Joki 1944 : 179); нган. *-лу-* (в составе сложных каузативных суффиксов — Терещенко 1979 : 227—228), и, возможно, эн. *-р/-л-* в транзитивизирующих *-pta-/лта* (Сорокина 1976 : 176). Наличие соответствий может указывать, по крайней мере, на самодийский источник селькупского деривационного форманта (ср. J 147). Не исключается и его уральское происхождение (PUA 164—165).

8. сев. *-lti-* (**-lčə-*) ~ южн. *-lči-* (*-lčə-*, *-lču-*; **-lčə-*; **-ltə-*)

Суффикс присоединяется к основам с вокалическим ауслаутом, как правило, многосложным, реже — односложным. У первых отмечается перегласовка конечного гласного в *a* или *o* и перенос ударения на этот гласный (см. *-l-*): кет. *tü-lči-ku*; об. *тю-льджи-* // TS *tu-lty-* 'принести, доставить, ввести' (Hel. 49, 200) (южн. *tīgu* 'прийти'); об. *лага-льчи-гу* (Кузьмина 1974), об. *лагó-льджи-* [*laqo lčə-*] // TS *laqa-lty-* (Hel. 108), кет. *лаҕа-лči-гу* 'пошевелить, сдвинуть' (кет. *лаҕигу* 'двигаться, шевелиться, работать'); об. *áдо-льджи-* [*atolčə-*] // TS ≈ *aty-lty-* (Hel. 58), тым. *ada-lči-гу*, кет. *ado-lči-гу*, *adu-lči-гу* 'показать' (об. *ады-* // TS *aty-/āty-* (Hel. 58), кет. *aīugu* 'виднеться, быть на виду'), ср. N *ādeldsap*, *ādēldsap*, *adeldsap*, MO *adoldsau*, K *aduldsau*, NP *aduldsam*, Кар. *atel-dam* 'ich zeigte', Tas *atelseldsembam* 'показываю' (CL 10); об. *óмда-льджи-* [*omtalčə-*] // TS *omty-lty-* (Hel. 141), тым., нар., кет. *omda-lči-гу* 'посадить' (об. *омды-* // TS *omty-* 'сесть' (Hel. 141)), ср. O *omdeldsap*, *ō-mdeldsap*, MO *omdeldsau*, *ōmdeldsau*, K *omdeldsam*, *-u*, NP *omdald-sam*, Tschl. *omeldam*, OO *omelcam*, *umdeldsam*, Tas *omteldsam*, Кар. *omdeldam* 'ich setzte' (CL 12).

Суффикс имеет соответствие среди селькупских формантов деноминальной глагольной деривации (Кузнецова 1990а : 51—52). И отыменные и отглагольные сев. *-lti-* (**-lčə-*) ~ южн. *-lči-* (*-lču-*, *-lčə-*, **-lčə-*; **-ltə-*) могут быть представлены как сочетание сельк. *-l-* + *-(č)čə-* (*-(c)cə-*) (? < *(t)tə-*). Данная модель образования отглагольных глаголов, по-видимому, сопоставима с энецкой, в которой заняты *-pta-/лта* (*нодась* 'улышать' — *нода-рта-сь* 'спросить, узнать'; *пиҕидь* 'смеяться' — *пиҕи-лта-сь* 'смешить' (Сорокина 1976 : 177); ср. ненТ *манра(сь)* 'катиться' — *манра-лта-(сь)* 'покатить, скатить' (Терещенко 1965 : 230)) и может иметь самодийское происхождение (J 104).

Рассмотренным селькупским формантам переходности, присоединение которых в целом не ведет к изменению видового значения в деривате (о возможности сопутствующей перфективации при образовании переходных глаголов от имперфективных непереходных — Кузнецова 1990б : 43, 45), противостоит суффикс сев. (южн.) *-t-*, оформляющий

транзитивные основы несовершенного вида: таз. *cełcy-t-ŋo* 'топтать что-либо' (*cełcalŋo* 'утоптать, стоптать'), *paŋy-t-ŋo* 'рубить' (ОчСЯ 212), об. *náče-* [*paŋə-*] ~ *náče-t-* [*paŋət-*] 'клевать' (Hel. 148) (таз. *paŋalŋo* 'срубить, отрубить' (ОчСЯ 212)), ср. NP *paŋatnam* 'ich haue' (CL 72—73) (МО *paŋjonnu* 'ich spaltete'); NP *tututnam* 'ich haue' (CL 111) (кет. *tutto-lgu* 'сжевать').

В северносамодийских языках кроме суффиксальных переходных глаголов имеется некоторое количество глагольных пар, члены которых, противопоставляемые по переходности/непереходности, отличаются друг от друга только изменениями в звуковом составе основы. Последние рассматриваются на синхронном срезе как результат свойственных языку регулярных звуковых чередований: нган. *koу-са* 'остаться' — *koу-ди* (*koй-ди*) 'оставить', *ŋjzя-са* 'висеть' — *ŋiti-ди* 'повесить'; ненТ *хаэ-(сь)* 'остаться' — *хае-(сь)* 'оставить'; ненТ *ŋыдѣ-(сь)* 'висеть' — *ŋыда-(сь)* 'повесить'; эн. *маса-сь* 'мыть' — *масу-сь* 'мыться' (Терещенко 1979 : 222—223; Вербов 1973 : 88; Перфильева 1973 : 195; Сорочкина 1976 : 177). Возможно, переходные и непереходные основы отличались по огласовке и в прасамодийском (ср. J 25—26, 54, 58, 72). Но в современном селькупском языке эти отличия, если были, нивелировались, и противопоставления указанного типа ему не свойственны (ср. таз. *ŋtyŋo* (ОчСЯ 212), кет. *ŋtigu*, тым., нар. *adigu*, об. *itigu* 'висеть, повесить').

Селькупские транзитивизирующие суффиксы способны присоединяться к основам, выступающим как непереходные, реже — как переходные/непереходные или только как переходные. При этом последние не дают дериватов с каузативным значением; об. *н'о:-дъ-гу* (Кузьмина 1974 : 214), об. *нѣ-ты-* // TS *ŋo-ty-* (Hel. 130), тым. *ŋō-də-gu*, *ŋo-t-ku* 'гнать (зверя)' (южн. *ŋōgu*, *ŋogū* то же), об. *ню-ды-* 'открыть' (Hel. 136) (*ню-* то же), кет. *čeččo-l-gu* 'поставить' (*čeččlgu* 'стоять, поставить') и т. п. Л. Варковицкая объясняет наличие такой картины (со)существованием в языке двух различных тенденций, а именно употребления единой основы с переходным и непереходным содержанием и суффиксального отражения в основе залоговой природы глагола (В 189). Этим может быть объяснено закрепление за некоторыми глаголами с типичными суффиксами переходности исключительно непереходного значения. По-видимому, такие глагольные основы изначально использовались и как транзитивные и как интранзитивные, но позднее утратили первую функцию: N *čəgeptak*, *čekaptak*, В Tas *tjəkāptengang* 'ich beeilte mich' (CL 96) (? < 'торопить(ся)', ср. N *čək*, *ček* 'schnell' (CL 96)); кет. *pūŋg!lžigu* 'кататься' (? < 'катать(ся)'); кет. *kujŋa-lžigu*, об. *кюгальджи-* [*-lčə-*] 'замолчать' (Hel. 106), *kujŋa-lžŋ* 'замолчала' (Дульзон 1966 : 140), (? < 'сделать тихим, стать тихим', ср. кет. *kujŋa-ŋ* 'тихо'); об. *мѣзы-ры-* [*müsəra-*] 'созреть' // TS *mušyry-* 'to cook' (vt.) (Hel. 119) (? < 'сделать зрелым, готовым; стать зрелым, готовым').

В тазовском диалекте форманты переходности могут сочетаться друг с другом. Их сочетание, ведущее к образованию сложных суффиксальных структур (*-ralty-*, *-lalty-*, *-(a)l(l)alty-*, *-talty-*), имеет место в каузативных (побудительных, куративных) глаголах (ОчСЯ 213—214; Хелимский 1982 : 109—110). В южном языковом ареале для обозначения действий, производимых опосредованно (реальный исполнитель действия не совпадает с подлежащим каузативного глагола — каузатором), обычно используются конструкции с *kuralžigu* 'позволить, за-

ставить'. Однако и здесь встречаются глаголы, которые можно рассматривать как каузативные: кет. *tond-ra-lʹzi-gu* 'укрыть кого-либо чем-либо' (*tondugu* 'покрыть(ся)'); нар. *šer-ta-lʹzi-gu* 'примерить кому-либо что-либо' (*šergu* 'надеть', ср. таз. *šertaltygo* 'заставить одеться', *šerqo* 'одеться' (ОчСЯ 214)); об. *нѣ-ттѣ-льджу-* [*notte-lčə-*] 'заманить' // TS *notyralty-* 'to make smb. follow' (Hel. 130); об. *лосты-рѣ-льджу-* [*lōstə-ro-lčə-*] 'креститься' // TS *lōstyalty-* 'to make smb. baptize' (Hel. 110). Наличие реликтовых образований с сочетанием формантов переходности, очевидно, указывает на некогда существовавший суффиксальный способ передачи каузативного значения и в диалектах южного ареала, который позднее был вытеснен здесь аналитическим. Образование каузативных глаголов распространено также в северносамодийских и обско-угорских языках (Хелимский 1982: 109, 106—107).

Собственно непереходные селькупские глаголы оформляют:

1. сев. *-māt-* ~ южн. *-bāt-* (* < *-māt-*)

Формант представлен в основном в связанных основах совершенного вида. В тазовском он относится к аффиксам, делающим словоформу двуударной. При наличии такого аффикса словоформа делится на две части (граница — морфемный стык), в каждой из которых порознь действует фонетическое правило акцентуации (ОчСЯ 139). При присоединении форманта предшествующий ему интервокальный одиночный согласный может геминироваться, следующий за этим согласным гласный — выпадать: таз. *нѣнны-māt-go* (ОчСЯ 212), баиш. *nenni-māt-go* (В 200), тым., нар. *нѣи-bāt-gu*, *нѣи-bāt-gu* 'осердиться, оскорбиться' (таз. *нѣннaltygo* (ОчСЯ 212), кет. *нѣиjalʹzigu* 'рассердить'); об. *коти-bāt-ku*, об. *кыч-ват-*, *кычи-ват-* [*qit(t)əwāt-* // TS *qycsy-māt-* (Hel. 105), тым. *кѣчѣи-bāt-gu* 'испугаться', ср. N *кѣчwannak*, *кѣчуwannak* 'ich erschrak' (*кѣчaldsap* 'ich erschreckte') (CL 40); баиш. *лак-māt-go* (В 200), нар. *лак-bāt-gu* 'рассмеяться'; об. *лак-вад-ыр-* 'захотеть' // TS *laqqy-māt-* (Hel. 108) (ср. сам. **lākə-* '(laut) lachen' (J. 80)); кет. *күү-bāt-gu* 'встрепенуться, взмахнуть хвостом' (об. *кюр-* // TS *kürä-* (Hel. 107), кет. *күрруку* 'махать').

Из диалектов южного ареала суффикс распространен в тымском, нарымском: тым. *риччу-bāt-gu* 'отрезветь' (кет. *рөччѣгу* 'одуматься, хватиться'); тым. *кагар-bāt-gu* 'громыхнуть, брякнуть' (кет. *кѣакрику* 'наигрывать, бренчать'); нар. *кѣз-bāt-gu* 'зачесаться' (кет. *кѣшѣгу* 'чесаться, зудиться (какому-либо месту)'); нар. *каз-bāt-gu* 'щелкнуть, скрипнуть' (кет. *кочѣрку* 'затрещать'); тым., нар. *рөч-bāt-gu* 'согреться' (кет. *рөччѣгу* 'согреть(ся)', *рөччѣѣки* 'согреться').

Сев. *-māt-* ~ южн. *-bāt-* является сложным. Т. Лехтисало представляет его как сочетание ур. *t мом. inchoat. deverb. и *-ma-* со значением моментан (PUA 301—303). На наш взгляд, второй компонент рассматриваемого форманта идентичен *-t-* в глаголах становления состояния — лексикализованных дериватах от именных основ: об. *нѣ-т-* // TS *pō-t-*, (Hel. 150), кет. *pō-t-ku* 'согреться' (< ур. *pšwe 'теплый' — Хелимский 1976: 122), тым. *šunḡu-t-ku* 'подгореть' (*šunḡl* 'гарь'); кет. *urlo-t-ku* 'затвердеть (о снеге), уплотниться' (МО *ural* 'eben' (adj.) — CL 16); об. *нѣлба-t-ku* 'облысеть' (кет. *нѣлба(j)* 'лысый', *нѣлбаlḡu* 'облысеть, облынять'). Начальным же компонентом может выступать именной формант, связанный этимологически с *-m-* овым суффиксом в *-sl-ma* сущест-

вительных обладания (ОчСЯ 338), а также в следующих образованиях: таз. *kūny-ma* 'бродяга' (ОчСЯ 335), ен. *košti-ma* 'хулиган', *ütimbīti-ma* 'пьяный', *kogeti-ma* 'глухой'.

2. сев. *-tti-* ~ южн. *-tti-* (*-ttə-*, *-ttu-*)

Суффикс представлен, как правило, в связанных основах несовершенного вида: таз. *ceŋcy-tty-ŋo* 'топтать(ся)' (ОчСЯ 212) (*ceŋcalqo* 'утоптать, стоптать'); кет. *paða-ttu-gu*, об. *náче-ты-, náчу-ты-* [*paŋəttə-*] 'рубить, клевать' // TS *pacu-tty-* 'to chop, to chip, to mow' (Hel. 148) (об., кет. *paŋto-lgu* 'срубить'), ср. МО *padjettang*, NP *pačattang* 'ich haue' (CL 72—73); таз. *qaty-tty-ŋo* (ОчСЯ 212), кет. *kaði-tti-gu*, нар. *kaða-tə-gu*, 'заниматься чесанием, царапаться' (южн. *kaŋto-lgu*, *kaða-lgu* 'почесать, оцарапать'); кет. *pudj-tti-gu* 'плевать(ся)' (*putiŋku* 'выплюнуть'); *mala-ttu-ku* 'грызть' (*malaku* 'сгрызть'); *tudj-tti-gu* 'жевать, грызть' (*tuŋiŋku* 'сжевать'), ср. NP *tututtang* 'ich haue' (CL 111). Имперфективные глаголы на *-tti-* могут образовывать причастия настоящего времени не только с помощью специализированного суффикса, но и по способу образования атрибутивных форм от имен, присоединяя показатель ^(*)-j определения непосредственно к глагольной основе. Ее конечный гласный выступает при этом в виде *ε* (*e*). Аналогичная перегласовка ауслаута основы предшествует окончанию *-ŋ* 3 л. ед. ч. в настоящем времени индикатива: кет. *kađittigu* 'царапаться' — *kađittej*, *kađittēj* 'царапающийся', *kađittenŋ*, *kađittēŋ* 'он царапается'; *pudittigu* 'плевать(ся)' — *pudittej*, *pudittēj* 'плюющийся', *pudittenŋ*, *pudittēŋ* 'он плюется' (Кузнецова 1987б : 15, 45, 146). Представляется, что эта особенность рассматриваемых глаголов может указывать на связь глагольного ^(*)-ttə- (~ -tte-) с начальными компонентами причастного суффикса *-tte-j* (*-tte-j*, *-ttə-j*): кет. *tūgu* 'грести' — *tūttej* 'гребущий', *pūkkugu* 'дуть' — *pūkkuttej* 'дующий', а также (южн.) *-te(-te-)* имени действия (< глагольного имени) (об. *kygy-də* 'желание', *əly-te* 'жизнь' (Hel. 47), кет. *tassu-də*, *tassu-te* 'мороз', *tassutte-γin* 'в мороз'; нар. *čurə-tē-t* 'плач', *čənčə-tē-t* 'разговор', об. *βarga-te* 'жизнь' — Беккер 1984 : 74). Тем самым допускается возможность пополнения класса селькупских глаголов за счет вербализованных глагольных имен (ср. о тюркских языках Щербак 1981 : 12 и далее; иначе о сельк. *-tti-* (*-ttə-*, *-ttu-*): РУА 327—328).

Кроме перечисленных формантов способностью к передаче определенного значения категории транзитивности обладают многие селькупские суффиксы отыменного глаголообразования, а также часть суффиксов способов действия (ОчСЯ 212; Кузнецова 1990а; б).

Различные типы селькупских возвратных глаголов (Кузнецова 1987а : 196—197) оформляют:

1. сев. *-ki-* ~ южн. *-ki-* (*-ku-*, *-ka-*, *-γo-*, *-γa-*)

Суффикс представлен в дериватах от односложных и двусложных основ на гласный. Во втором случае его присоединение сопровождается утратой ауслаута производящей основы. Суффикс нередко сочетается с другими суффиксами непереходности или возвратности действия, занимая в сочетании первое место. Такой порядок следования суффиксов позволяет считать *-ku-/ki-* более древним по сравнению с однородными формантами: кет. *nū-gu-gu*, баиш. *ny-ky-siqo* (В 197), об. *ню-гу-чи-[-tə-]* // TS *nū-ky-cy-* (Hel. 136), об. *н'о:-го-д'егу* 'отвориться', *н'о':-го-д'а* 'отворилась' (Кузьмина 1973 : 248, 226), тым. *но-ka-žešpugu* 'отворяться' (кет. *nūgu*, об. *ню-* // TS *nū-* 'открыть' (Hel. 135)); об. *mē-gu-digu*,

кет. *mē-gu-gu* 'сделаться', тым., нар. *te-ga-žēšpugu* 'делаться', нар. *te-ga-žēšpa* 'делается сам' (южн. *mēgu* 'сделать'); об. *ko-go-čiči-[-tə-]* 'встретиться, найтись' (Hel. 90), *ko:kы-đ'egu* 'повидаться' (Кузьмина 1974 : 227), об. *ko-γo-žegu*, кет. *ko-gu-gu* 'обнаружиться' (южн. *ko-gu* 'увидеть, найти, обнаружить'), ср. Tschl. *ko-göčang*, ОО *koogotjang*, *koogotjang*, *-đjang* 'ich begegnete' (CL 36), таз. *ür-ky-γo* (ОчСЯ 220), об. *ör-γy-γy* (Кузьмина 1974 : 212), нар. *ür-gu-gu* 'заблудиться, потеряться' (кет. *ür-rugu* 'потерять(ся)'); ср. N *ürgak*, *örgak*, Jel. В Tas Kar. *yrkang* 'ich verirrt mich, verlor mich' (CL 23—24); *ür-kī-, ür-qī-* < *jür(ə)-kā- (J 50); тым., нар., кет. *βar-gī-gu*, *βar-gu-gu*, таз. *wär-ky-γo* 'жить, поживать, пребывать' (ОчСЯ 232) (баиш. *wärβo*, *терβo* (B 177, 169), тым., нар. *βargu*, кет. *βarigu* '(со)держать; жить, пребывать'), ср. N *wärgak*, *wargak*, *wargak*, МО *warkang*, В *muerkang*, Tas Kar. *wuerkang* 'ich lebe, halte mich auf' (CL 26); нар. *kal-ku-gu* 'остаться' (*kalgu* 'оставить, остаться'); Kar. *netkang*, В Tas *nätkang* 'ich freite, heiratete' (CL 65) (кет. *netigu* 'женить(ся)'), Гласный суффикс (южн.) *-ku-* способен нести ударение при отсутствии в словоформе долгих гласных: кет. *ko-gu-η* 'нашелся', но *nū-guη* 'отворилась'.

Суффиксы, схожие по форме и функциям с рассматриваемым селькупским, представлены и в других самодийских языках. Так, в нгансанском *-γy-* переводит транзитивные глаголы в разряд интранзитивных: *đj'sя* 'потерять, утратить что-либо' — *đj'γy-sa* 'потеряться, заблудиться' (Терещенко 1979 : 222). В энецком языке *-γy-/-γo-* в составе сложного суффикса *-ta-γy-*, а иногда и в изолированном состоянии занят в образовании непереходных глаголов общего процесса действия: *дэзаць* 'застрелить' — *дэза-та-γy-ць* 'заниматься стрельбой', *колтась* 'выстирать' — *колта-γy-ць* 'стирать' (ЯН СССР (эн.): 453; Терещенко 1973 : 31; Сорокина 1990 : 50; ср. также ненТ *мадел-ко-(сь)* 'разнимать дерущихся (непер.)', *мадел-ку-ла(сь)* 'начинать разнимать дерущихся' < *маделä(сь)* 'разнимать дерущихся (пер.)' — Терещенко 1965 : 216). Если у эн. *-γy-/-γo-* значение непереходности связано с дуративным (итеративным) (Сорокина 1990 : 50; ср. Б. А. Серебренников о развитии залоговых значений на базе значения многократности (1974 : 217—219)), то сельк. *-ku-/-kī-* возвратных форм скорее всего идентичен *k-*овому суффиксу имени действия (< глагольного имени) (ОчСЯ 253). Соответствиями последнему, а, следовательно, и показателю селькупских залоговых образований, очевидно, являются суффиксы причастий северносамодийских и камасинского языков: нен. *-χα-*, *-χəə-*, эн. *-χα-*, нган. *-gu-*, кам. *-γa-*, *-ga-*. Источником перечисленных формантов мог выступать *kV глагольного имени прасамодийского (Кюннар 1978 : 171, 184—185, 188; Кюннар 1980 : 66). Причастного (именного) происхождения может быть и нган. *-γy-* с залоговым значением. На сходство аффиксов имен действия и маркеров залога обращалось внимание также в тюркских языках (например, Щербак 1981 : 12).

2. сев. *-čī-* (*-tə-) ~ южн. *-tī-*, *-čī-* (-čə- > -čə-, -šə-; *-čī-* > *-šī-*)

Суффикс представлен в дериватах от переходных и непереходных глаголов, а также в ряде основ, не употребляющихся в чистом виде: таз. *šitty-cy-γo* (ОчСЯ 215), баиш. *šitib-ci-γo* 'проснуться' (B 197) (таз. *šittyγo* 'разбудить' (ОчСЯ 215), кет. *šitigu* 'разбудить, проснуться'), ср. Tsch. ОО *sēdedjang*, ОО *sētetjang* 'ich erwachte' (CL 92); об. *lakčiči-[-lakčətə-]* // TS *lakty-cy-* 'оторваться' (Hel. 108) (об. *лакчи-* [lakčə-] // TS *lakty-* 'оторвать' (Hel. 108)), об. *nūn-čiči-[-nūn(ə)-tə-]* // TS *nūny-cy-*

(Hel. 134), *nān(n)u-cu-ŋo* 'устать' (ОчСЯ 215), тым. *nun-ᶑa-k* 'устал я', нар. *nūn-ᶑa-k* 'устали они-двое', ен. *nunᶑ-ᶑi-sa* 'устала она' (кет. *nūnigu* 'устать'), ср. N *njū'undsak*, B Jel. *nuunedsang*, Tas *nuunetjang*, Каг. *nuunetjengang* 'ich wurde müde' (CL 64); кет. *ᶑinimᶑa-ᶑ(i)-ku* 'сближаться' (*ᶑinimᶑuku* 'сближать'); об. *mēgu-dī-gu* 'сделаться', нар. *mega-ᶑe-ᶑpa* 'делается сам' (южн. *mēgu* 'сделать'); об. *ᶑoᶑo-ᶑe-gu*, *ᶑoᶑe-ᶑe-gu* 'повидаться' (южн. *ᶑogu* 'увидеть, найти, обнаружить'). Производящими выступают неодносложные основы с вокалическим и консонантным исходом. В первом случае может иметь место удвоение предшествующего суффиксу интервокального одиночного согласного основы или отпадение следующего за этим согласным гласного: тым. *miᶑ-ᶑa* 'он согнулся', таз. *myn(n)-cu-ŋo* 'согнуться' (ОчСЯ 215) (таз. *mynyo* 'согнуть' (ОчСЯ 215), кет. *miᶑnigu* 'согнуть(ся)'), ср. OO *menedjamba* 'загнулся' (CL 60); об. *ᶑp-ᶑi-* [*ür(ə)ᶑa-*] // TS *üry-cu-* 'потеряться' (Hel. 75) (кет. *ürᶑugu* 'потерять'); об. *cyᶑyᶑ-ᶑi-* 'удавиться' (*cyᶑyᶑ-* [*sikᶑa-*, *sᶑᶑa-*] 'задавить') (Hel. 176—177). Сохранению ауслота основы сопутствует утрата гласного суффиксом: кетВ, С *niᶑᶑiᶑi-ᶑ(i)-ku* 'разорваться' (*niᶑᶑilgu* 'разорвать', *niᶑᶑiligu* 'разорваться'); тым. *kᶑedi-ᶑ(i)-ku* 'браниться' (*kᶑedagu* 'бранить'). В нарымском, тымском диалектах палатальная аффриката суффикса может чередоваться с альвеолярной, которая в свою очередь подвергается деаффрикатизации (ср. Морев 1976: 37—38): нар. *ᶑppi-ᶑi-gu*, *ᶑbi-ᶑi-gu*, *ᶑppi-ᶑi-gu*, *ᶑppi-ᶑi-gu* 'отправиться' (баиш. *yppalᶑo* 'отправиться, откочевать' (B 151), нар. *ᶑbirigu* 'отправить'), ср. N *yubadsak*, *yubak* 'ich brach auf mit Haus und Hof' (CL 23—24) (см. также примеры с суффиксом *-ki-/ku-*). Присоединение форманта не влияет на акцентуационную модель производящей основы.

3. сев. *-i-* ~ южн. *-i-* (*-u-*)

Суффикс представлен в дериватах от основ с консонантным исходом. Нередко возвратные глаголы на *-i-* (*-u-*) соотносятся с переходными на *-li-* ~ *-li-*, редуцируемый при этом до *-l-* (ОчСЯ 216): кет., нар. *panal-i-gu*, об. *панал-ы-* // TS *panal-y-* 'сломаться' (Hel. 146) (об. *панал-* // TS *panal-* 'сломать' (Hel. 146)); кет. *kᶑbet-i-k* 'попасться', об. *квᶑd-ы-* 'попасть в сеть (рыбе)' // TS $\approx$ *qattē-* (Hel. 84), тым., нар. *kᶑbeda* 'попалась в сеть' (южн. *kᶑbetku* 'поймать, убить, добыть (зверя, птицу)'); кет. *aᶑᶑ-i-gu* 'съестся' (*amgu* 'съесть'); *süᶑ-i-kkagu* 'шиться' (*sütku* 'шить', *sütkgu* 'шить'); кет. *takᶑil-i-gu*, таз. *taqqyl-y-ŋo* 'собраться (вместе)' (ОчСЯ 215) (таз. *taqqylᶑo* (ОчСЯ 215), кет. *takᶑilgu* 'собрать'); кет. *niᶑkil-i-gu*, *niᶑᶑil-i-gu*, таз. *nytqyl-y-ŋo* 'порваться' (ОчСЯ 215) (таз. *nytqylᶑo* (ОчСЯ 215), кет. *niᶑᶑilgu*, *niᶑkilgu* 'порвать'); тым. *ᶑbedel-u-gu*, кет. *kᶑbedel-u-gu* 'повстречаться' (кет. *kᶑbedalᶑigu* 'повстречать кого-либо'); тым. *adal-u-gu* 'показаться' (*adalᶑagu* 'показать'); таз. *acal-y-ŋo* 'зажечься' (ОчСЯ 216) (*acaltyᶑo* 'зажечь'); кет. *okl-u-gu* 'обучаться' (*okalᶑuku* 'обучать'); ср. N *óogolak*, K *oogolang*, Tsch. OO *uogolang*, Jel. *oogolang* 'ich lernte, gewöhnte mich' (N *oogoldsap* 'ich lernte, gewöhnte') (CL 13—14).

Есть основания полагать, что ранее вокалический суффикс использовался в селькупских возвратных глаголах шире, чем в современный

период. Например, в кетском диалекте часть неодносложных переходных основ на гласный, у которых средством рефлексивных преобразований может быть признана на синхронном срезе замена объектного спряжения на субъектное, достаточно регулярно образует формы будущего времени присоединением *-ε·nč̣i-* при передаче переходного значения и *-nč̣i-* при передаче возвратного: *m̄inn̄ε·n̄z̄it* 'он согнул что-либо' ~ *m̄iñ̄iñ̄z̄iŋ* 'он согнулся'. Данный факт свидетельствует о явной грамматической значимости конечного гласного основы во втором случае. Поэтому возвратные формы от неодносложных транзитивных глаголов на гласный можно считать образованными не заменой одного типа спряжения на другой, а присоединением вокалического суффикса рефлексивности к усеченной основе. В селькупском усечение неодносложной основы за счет конечного гласного имеет место, если за ней следует аффикс с вокалической инициальной. Соответственно омонимия возвратных и переходных основ на фоне встречающихся рефлексивных образований, где представлены и гласный производящей транзитивной основы и гласный суффикса возвратности действия (при возможной эпентезе: *m̄iñ̄i-ι-ŋ*, *m̄iñ̄i-(β)-u-ŋ* 'он согнулся'), объясняется материальным совпадением форманта рефлексивности с ауслутным гласным переходной основы (Кузнецова 1987а : 195).

При наличии следов широкого использования в прошлом суффикса *-i-* (*-u-*) возвратности отмечается и все большее сужение сферы его употребления. Так, ряд переходных глаголов на *-l-*, в целом регулярно образующих возвратные корреляты суффиксальным способом, могут использоваться для рефлексивного преобразования и смену типа спряжения (Кузнецова 1987а : 199). Указанному переходу, очевидно, способствует наличие возвратных глаголов на гласный, идентичный конечному гласному производящей переходной основы и более или менее явно представленный только в формах будущего времени. В нарымском и тымском утрата вокалического суффикса рефлексивности осуществляется на фоне падения ауслутных редуцированных гласных глагольных основ.

Селькупские суффиксы возвратности *-č̣i-*, *-i-* очевидно этимологически связаны с формантом **-j̄8* или сужением конечного гласного основы в субъектно-безобъектном (≈ рефлексивном) спряжении севернорусамодийских языков (Кюннап 1976 : 79; Хелимский 1982 : 81).

Часть селькупских глаголов, оформленных *-ki-/-ku-* и *-i-(-u-)*, могут наряду с возвратной иметь и пассивную диатезу. Вместе с пассивными глаголами (формами) на *(*)-(m)p̄ə-* (см. далее) они используются в стальных, а присоединившие кроме указанных суффиксов рефлексивности еще суффикс с итеративно-имперфективным значением — в акциональных пассивных конструкциях (Кузнецова 1987а : 199—201).

Пассивность в селькупском языке может выступать и как одно из проявлений результативности (состояния) (Недялков, Яхонтов 1983 : 14, 16, 17; Кузнецова 1987б : 62—66) или дуративности (ОчСЯ 216). Пассивные глаголы (формы) содержат в основе *(*)-(m)p̄ə-* и используются в стальных пассивных конструкциях: тым., нар. *tir-mb̄ə-gu*, кет. *t̄ir̄i-mb̄i-gu*, *t̄ir̄i-bb̄i-gu*, об. *t̄īery-m̄by-* // TS *t̄iry-m̄py-* 'быть наполненным' (Hel. 192), ср. CL 115 N *t̄irm̄ba*, MO *t̄irm̄ba*, K *t̄irm̄ba*, NP *t̄irim̄ba*, Tsch. *t̄iiremb̄a*, OO *t̄j̄irm̄ba* 'voll' (N *t̄t̄rap*, *t̄iirap* 'ich füllte an') (CL 115). Идентичный суффикс служит в селькупском языке в качестве маркера времени (прошедшее время повествовательного наклонения (нарратива); повествовательное прошедшее время индикатива, прошедшее время латентива — Пр. 68; Прокофьева 1966 : 407—

408; Дульзон 1969; Морева 1983; ОчСЯ 238—239) и входит в состав сложного показателя партиципа претеритума (ОчСЯ 255). Отсутствие в южных диалектах временных и причастных образований с редупликацией (*)-(*m*)*pa*- может свидетельствовать об общности происхождения словообразующего суффикса, маркера времени и начального компонента показателя причастной формы (ср. Кузнецова 1985).

Сокращения

В — Л. Варковицкая, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва 1947; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **Пр.** — Г. П. Прокофьев, Селькупский (остяко-самодийский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград 1935; **ЯН СССР (нг.)** — Н. М. Терещенко, Нганасанский язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3, Москва 1966, с. 416—436; **ЯН СССР (нен.)** — Н. М. Терещенко, Ненецкий язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3, Москва 1966, с. 375—395; **ЯН СССР (эн.)** — Н. М. Терещенко, Энецкий язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3, Москва 1966, с. 438—458; **CL** — Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M. A. Castrén und T. Lehtisalo, Helsinki 1960 (MSFOu 122); **E** — I. Erdélyi, Selkupsches Wörterverzeichnis. Tas Dialekt, Budapest 1969; **Hel.** — E. Helimski, The Language of the First Selkup Books, Szeged 1983 (Studia Uralo-Altica 22); **J** — J. Janhunen, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki 1977 (Castrenianum toimitteita 17); **PUA** — T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, Helsinki 1936 (MSFOu LXXII).

Ненецкий язык: ненТ — тундровый диалект; **ненЛ** — лесной диалект; **селькупский язык: баиш.** — баишенский говор енисейского диалекта; **ен.** — енисейский диалект; **нар.** — нарымский диалект; **кет.** — кетский диалект; **кетВ** — верхнекетский говор кетского диалекта; **кетН** — нижнекетский говор кетского диалекта; **кетС** — среднекетский говор кетского диалекта; **таз.** — тазовский диалект; **тым.** — тымский диалект; **об.** — обский диалект; **сев.** — диалекты северного ареала; **южн.** — диалекты южного ареала. В остальных случаях обозначение языков и их диалектов приводится по цитируемым источникам.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1984, Словообразовательные модели имен существительных в селькупском языке. — Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 73—82.
- Вербов Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск, 4—190.
- Деннинг Н. В. 1981, Аффрикатизация и разложение аффрикат в селькупском языке (на материале тымского диалекта). — Теоретические вопросы фонетики и грамматики народов СССР, Новосибирск, 160—166.
- Дульзон А. П. 1966, Кетские сказки, Томск.
- 1969, Опыт исторической интерпретации селькупских глагольных форм. — СФУ V, 203—211.
- Кузнецова Н. Г. 1985, Значение показателей *-mpV-*, *-pV-* в селькупском языке. — Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 36—42.
- 1987а, О категории залога в селькупском языке. — СФУ XXIII, 192—203.
- 1987б, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
- 1990а, Суффиксы отыменной глагольной деривации в диалектах селькупского языка. — LU XXVI, 43—56.
- 1990б, Видовое значение глаголов в кетском диалекте селькупского языка. — Лексика и грамматика агглютинативных языков, Барнаул, 40—46.
- Кузьмина А. И. 1973, К вопросу о фонемном составе селькупского языка. — Самодийский сборник, Новосибирск, 212—229.
- 1974, Грамматика селькупского языка I. Селькупы и их язык, Новосибирск.
- Купер Ш. Ц. 1987, Типы чередования ступеней в селькупском языке. — Строй самодийских и енисейских языков, Томск, 66—74.
- Купер Ш. Ц., Морев Ю. А. 1985, Интерпретация некоторых исторических чередований согласных в кетском диалекте селькупского языка. — Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 57—62.

- Кюннап А. Ю. 1976, К истории личных глагольных суффиксов в северносамодийских языках. — Языки и топонимия, вып. 2, Томск, 79—83.
- 1980, Развитие инфинитных глагольных форм в южносамодийских языках. — Языки и топонимия, вып. 7, Томск, 63—68.
- Морев Ю. А. 1976, Шумные согласные обского говора селькупского языка. — Языки и топонимия Сибири VI, Томск, 36—57.
- Морева Л. В. 1983, Формы прошедшего времени в среднеобских говорах селькупского языка. — Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов, Омск, 53—57.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. 1983, Типология результативных конструкций. — Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект), Ленинград, 5—40.
- Перфильева Т. Г. 1973, Выражение временных и пространственных отношений глагольными словосочетаниями с винительным и родительным падежами (на материале ненецкого языка). — Самодийский сборник, Новосибирск, 191—198.
- Прокофьева Е. Д. 1966, Селькупский язык. — Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 397—415.
- Серебрянников Б. А. 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- Сорокина И. П. 1976, Словообразование глагола энецкого языка. — Лингвистические исследования 1976. Грамматические категории, Москва, 170—179.
- 1990, Выражение глагольной множественности в энецком языке. — Лексика и грамматика агглютинативных языков, Барнаул, 47—55.
- Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
- 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1976, О соответствии уральских *a*- и *e*-основ в тазовском диалекте селькупского языка. — СФУ XII, 113—132.
- 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва.
- 1985, К исторической диалектологии селькупского языка. — Лексика и грамматика языков Сибири, Барнаул, 42—58.
- 1988, Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. докт. дисс., Тарту.
- Щербак А. М. 1981, Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол, Ленинград.
- Collinder, V. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm.
- Györke, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen (primäre Bildungssuffixe), Tartu.
- Hajdú, P. 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
- Janurik, T. 1985, Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte der samojedischen Sprachen. — Dialektologia Uralica, Wiesbaden, 283—301.
- Joki, A. 1944, Einleitung, Hauptzüge der Grammatik. — Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki, XII—LI, 119—190.
- Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- Sammallahti, P. 1974, Material from the Forest Nenets, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 2).
- 1979, Über die Laut- und Morphemstruktur der uralischen Grundsprache. — FUF XLIII, 22—66.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

SELKUP SUFFIXES OF DIATHESIS

In Selkup diathetic characteristics of verbal stems can be expressed by special suffixes, such as those of transitivity, intransitivity, reflexivity, passivity, causativity. This article is concerned with the description of diathetic suffixes in northern and southern Selkup dialects. The use of studies on verbal derivation in other Samoyed languages as well as works on Uralic morphology makes it possible to etymologize Selkup derivative morphemes.